

УДК 177.61

DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-61-64

Р. Л. КОЧНЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ НЕ ЛЮБЯТ ТВОЙ КОМФОРТ ВЗАМЕН

Статья представляет собой комментарий и дополнительное исследование к переводу на русский язык статьи американского философа Сары Протаси, опубликованного в этом журнале. В статье рассматривается версия атрибутивной теории любви, которая сравнивается с экзистенциалистским взглядом на данный феномен.

Ключевые слова: любовь, атрибутивные свойства, комфорт, ценность.

Загадочность такого глубоко экзистенциального феномена, как «любовь», не даёт покоя философам, мыслителям, поэтам, а также прочим неравнодушным уже долгие годы мировой истории. Несмотря на свою показную простоту и доступность (ведь очень многие могут вполне честно сказать о самих себе в духе расхожей фразы: я любил/люблю/вероятно, буду любить в будущем) это чувство, кажется, стало даже более сокрытым, чем в период античной мысли.

Что же мы имеем в виду? Ведь совершенно ясно, что любовь, ещё никогда не пользовалась такой популярностью в культуре, какую она имеет в наши дни. Являясь темой огромного числа песен, популярных книг по психологии и просто темой для досужных разговоров, звучание любви подспудно сопровождает жизнь каждого из нас. Воистину: любовь в сейчас в ходу, как никогда прежде. Однако многое ли можно сказать о любви *на самом деле*? Что о ней вообще *можно сказать*¹?

Стоит ли говорить, что данные вполне весомые и обоснованные вопросы в нашем случае остаются без должного ответа? Любовь «существует» (именно в кавычках!) в социальном пространстве, а значит, она *должна быть обговорена*. Но что происходит с одним из наиболее личных фактов человеческого бытия, когда оно оказывается частью «общественной жизни»? Насколько такая «любовь-вообще» ничтожит чувства отдельно взятого индивида, выстраивая их в соответствии с «общими рамками», тем самым *анонимизирует подлинность* его переживаний²? А если социальное влияние проникло так глубоко, что способно влиять даже на такое отягощённое экзистенциальностью переживание, как любовь, то насколько вообще мы, оставаясь при этом честными, можем говорить об аутентичности такой личности, не говоря о совсем уж сомнительной аутентичности его любви?

Винной тому современный «кризис социального» (а шире «кризис Человека»⁴), или тут связь другая, более сложная и интересная, она в любом случае остаётся упускаемым из виду обстоятельством для многих исследователей. Именно в таком контексте о любви, как о некоей утраченной нами высшей форме субъектности, которую мы легко можем

и не достичь в своей вялой и неаутентичной жизни, и говорит экзистенциальная философия⁵. Однако подобные воззрения на феномен любви довольно прохладно воспринимаются большинством представителей научного мира, делая данную теорию «подобной бездомному бродяге» [5], а её сторонников — интеллектуальными маргиналами, порицаемых (далеко не всегда несправедливо) за их ориентацию на массового читателя. О слабости защищаемых ими позиций мы поговорим чуть ниже.

Просматривая же современные «научно-философские теории касательно конкретного любовного чувства, можно прийти к двум выводам: (1) описываемое не очень похоже на любовь, (2) если это и любовь в её современном западном смысле, то уже упомянутый кризис Человека не рассмотрен даже наполовину необходимого. Однако почему слово «научно» взято здесь нами в кавычки? Именно здесь мы и подходим *love study* Сары Протаси.

Защищаемая авторкой статьи позиция рассматривает любовь к другому человеку, как чувство основанное на наборе его привлекательных свойств⁶. Таким образом, моё раскрытие собственных чувств во фразе «я люблю тебя», согласно атрибутивному взгляду на любовь, можно декодировать как «я считаю тебя умным, привлекательным и подающим большие надежды, поэтому я испытываю к тебе любовь». Самым очевидным возражением, которое приходит в наши головы, становится апеллирование к факту того, что тогда я должен также любить и всех прочих обладателей атрибутивных свойств подобного рода. На что в тексте статьи следуют возражения о том, что далеко не все атрибутивные черты являются такими банальностями, как красота или ум. Поскольку мы находимся в отношениях (не обязательно романтического содержания, но без социальных отношений вообще любовь, согласно данной теории, существовать не может) то такой человек уже в силу этого обладает свойством, например, правильно себя вести, чтобы успокоить меня, когда я в плохом настроении. Согласно воззрениям Протаси, такое уточнение является достаточным, и мы позволим себе согласиться с этим. Однако тогда встаёт новое и куда более серьёзное возражение против подобных дефиниций любви.

Авторка статьи указывает характер защищаемой ей теории как индивидуалистической. Мы склонны и с этим согласиться, загвоздка, как водится, скрывается в деталях: оправдание и обоснование моей любви некими качествами *другого человека* меньше говорит о его личности, но больше высвечивает *меня самого*. Когда моя любовь основывается на том, что человек умеет вести себя со мной подобающим образом, мы можем легко указать на тот факт, что подобное чувство тогда есть всего лишь моя любовь к *самому себе* и той ситуации *комфорта*, которую я хочу для себя поддерживать.

Нам могут возразить, что данную версию отвергает в своей статье и сама Сара Протаси, предлагая нам взамен ещё одну весьма сомнительную ментальную конструкцию. Согласно её представлениям, мы любим другого человека в силу того, что она называет *перспективными атрибутивными свойствами* (*perspectival properties*), то есть в силу неких наших собственных восприятий, того, какими качествами обладает другой человек. Иными словами, мы *экспериментально переживаем* определённые черты определённого человека, таким образом, включает рассматриваемая нами авторка, именно на подобных суждениях о предмете нашего чувства и основывается феномен любви, которое способно перевернуть нашу жизнь и сохраняться на протяжении длительного времени (см. пример с дворцом Луиджи и актрисой Брижит Бардо).

Далее по тексту статьи Протаси с помощью своей собственной теории довольно убедительно разносит стандартные возражения, по которым нам следовало бы относиться с большим вниманием к людям, обладающим лучшими атрибутивными свойствами, так как в них мы бы «влюбились» значительно сильнее. Мы также согласны и с тем, что в подобной ситуации наши фантазии действительно могут иметь место: однако подобные проекции (другими словами, придание людям черт, которых они не имеют в действительности) не только могут присутствовать при любом варианте любовных отношений, но и при любом объяснении причин любви. Также феноменологически представляется невозможным «развести» перспективу на некие атрибутивные свойства и наши собственные личные представления и переживания этих свойств. Единственное (в смысле «наиболее существенное») возражение, которое приходит в голову, можно описать следующими словами: экспериментальная теория Сары Протаси *не объясняет совершенно ничего*.

Что нам, по сути, выдаётся в качестве объяснения причин эмоций и чувств, разрывающих наше сердце, греховно будоражащих нашу голову и прочие органы? *Я люблю этого человека (разумеется этого, а не какого-то другого), потому что он таков, каким он мне представляется!* Даже более того! Не опуская занавес милосердия над таким «объяснением», мы можем заметить, что в таком случае имеет место лишь усложнённая формулировка экзистенциального понимания любви, но даже это было бы не совсем точно. В данном случае под «таков» понимается лишь совершенно конкретный набор воспринимаемых мною атрибутивных свойств другого человека — любимого человека. И это, повторимся, объявляется «индивидуалистическим взглядом» на природу чувства любви! Как и некогда хочется в своей обвинительной речи добавить: *O tempora! O mores!*

Здесь могут быть очевидные возражения, что ведь наш любимый, безусловно, обладает некото-

рыми чертами, которые могут нас очаровывать или которые просто нам приятны. Однако эти черты не делают его любимым или ненавистным мной. «Но тот, кто уважал бы меня только как человека или берлинца, тот лично мне выказывал бы довольно мало почтения. Почему? Потому что он уважал бы не меня, а лишь одно из моих свойств» [6]. Можем лишь усилить данный аргумент, заметив, что даже *вся совокупность* свойств человека *не делает* его тем, *кто он есть*⁷. Как позднее словно вторит ему и раскрывает нашу позицию точнее, Мунье: «Он [имеется в виду некий сосед господина Мунье. — Примеч. наше. — Р. К.] выполняет функции, более того, у есть некий порядок этих функций и их психология, которую я могу *применить* для его изучения, хотя они и не *он*, не человек во всей полноте своей реальности. Более того, в том же смысле он *является* французом, *является* горожанином, *является* социалистом, *является* католиком, и так далее. Но он не *является* Бернардом Шартье, одним среди прочих таких же, он Бернард Шартье и есть» [7]. Мы не можем описать цельного человека, лишь перечислив набор его преимуществ или изъянов, подобное описание скорее будет нашей попыткой анонимизировать аутентичную личность.

Коль скоро речь идёт о свойствах другого человека, а уж тем более и любви за них, то ценными оказываются уже они, а вовсе не другой человек. И если в случае с реляционной теорией любви, речь действительно идёт о ценности отношений, то в случае атрибутивной теории речь идёт о *ценности свойств*. Таким образом, другой не является для меня ценностью в полном смысле этого слова, поскольку он в данном случае вторичен, по отношению к моим ценностям, то есть ко мне и к моему комфорту.

Ранее мы уже отметили отдалённое родство «научной» теории Сары Протаси и экзистенциалистских воззрений на феномен любви, может последовать любимый многими русскими людьми вопрос: а как у них? В отличие от отвергнутых взглядов атрибутивной теории, равно как и а priori нами отвергнутой теории Нико Колодны [8] мы можем заметить, что любовь в условиях экзистенциализма — всегда любовь к *другому* человеку⁸. И, как следствие, по-является совершенно другая форма представления и существования ценностей, как это верно подмечено Сартром: «хотеть быть любимым — значит, хотеть поместиться по ту сторону всякой системы ценностей, быть полагаемым другим как условие всякой оценки и как объективное основание всех ценностей»⁹ [9]. Таким образом, экзистенциальный взгляд на феномен любви отрицает атрибутивную теорию, поскольку в ней другой лишь «встраивается» в мою систему ценностей. В этом есть своего рода метафизика ценностей¹⁰ — полагая Другого настолько определяющим феноменом своего бытия¹¹, мы не можем подчинить его своему комфорту. Более того, нам видится, что, вопреки современным представлениям, не одиночество, а именно любовь — подлинное патическое чувство представляется наиболее губительным экзистенциальным переживанием для человека, привыкшего к комфорту¹². Потому что такая любовь является сильнейшим экзистенциально-приватным переживанием, перед которым «мы» сами с нашей научной картиной мира оказываемся совершенно бессильными и обессиленными¹³. В этом контексте представляется важным, что философские взгляды всё чаще обращаются именно к проблематике безответной любви, поскольку она

также является частью вопроса о комфорте, как о предопределяющем наше бытие сверхатрибуте. А для него — любовь угрожающе необъяснима и опасна, равно как и занятия философией.

Примечания

¹Представляется весьма показательным, что о проблематичности языкового выражения любви высказываются даже такие видные свидетели Языка и его способностей как аналитические философы [1].

²Занятны слова Алена Бадью, который, пусть и вкладывая в это несколько другой смысл, замечает, что «там, где начинается политика, заканчивается любовь» [2].

³Именно поэтому анонимный (!) юноша у Умберто Эко, живущий в реалиях постмодерна, даже признаваясь в своих подлинных чувствах к собственной возлюбленной, вынужденно добавляет к этому фразу-отсылку «по выражению Лиала — я безумно тебя люблю» [3].

⁴Именно «современность» кризиса подобного рода может быть легко поставлена нами под сомнение, поскольку вопрос о сущности человека поднимается не только в современных причитаниях постмодернистов, но и в одном из наиболее ранних диалогов Платона — Алкивиаде I [4].

⁵Если говорить более прямо (а значит, и более «по-философски»), то речь идёт скорее о некоем миксе экзистенциальной философии и экзистенциальной же психоаналитики (как следствие — обладающей сильным налётом [нео]фрейдизма) из безусловных сторонников такого подхода можно вспомнить В. Франкла, Л. Бисвангера, Р. Мэя, И. Ялома, Э. Фромма, Р. Лэйга, кроме того, в данное направление можно включить и В. В. Розанова, и Г. Марсэля, и С. Люиса, и Ж. П. Сартра, К. Ясперса, Г. Маркузе, а также многих других вполне уважаемых и значимых мыслителей. Отсутствие же ссылок на конкретные работы данных авторов объясняется не профессиональной леностью, а означает лишь, что такое понимание любви и её значимости в их трудах является безусловным *raison d'être* всей их философской (без всяких кавычек) системы и картины мира.

⁶Следует понимать, что под атрибутами или свойствами здесь понимается не только цвет глаз или размер/пропорции отдельных частей тела, но и менее физикалистские категории, будь то интеллект, чувство юмора, умение водить машину и так далее.

⁷Подобно тому, как это делает авторка, позволим себе апеллировать к интуиции и заметим, что большинство из нас не может не признать, что даже непривлекательные и раздражающие нас черты других людей (например, склонность человека фотографировать еду для социальных сетей) могут уже не вызывать у нас негативных эмоций, или казаться нам совершенно невинными пустяками, если окажется так, что такими чертами обладает лицо, которое мы любим.

⁸Взгляды на связанное с таким видом любви религиозное чувство, которое описывается многими представителями жанра, в данной статье мы не рассматриваем.

⁹Ср. с этим: «Нельзя любить ближнего, как самого себя, или, точнее, нельзя самого себя любить, как ближнего, можно лишь перенести на него всю ту совокупность действий, какие обычно совершаются для себя самого. Право и право-подобная мораль не могут распространить своего требования на внутреннюю эмоционально-волевою реакцию и требуют лишь определенных внешних действий, которые совершаются по отношению к себе самому и должны совершаться для другого; но не может быть и речи о переносе внутреннего ценностного отношения к себе самому на другого, дело идет о создании совершенно нового эмоционально-волевого отношения к другому как таковому, которое мы называем любовью и которое совершенно невозможно пережить по отношению к себе самому» [8, с. 44–45].

¹⁰Подробнее об этом смотри, см. [10].

¹¹«Любить [согласно Шелеру] — это радикальный акт, в котором и через который другой человек открывается и раскрывается как человек, то есть в полноте богатства той актуальности, которой он является» [11].

¹²«Самосохранение — холодная и жестокая эмоционально-волевая установка, совершенно лишенная каких бы то ни было любовно-милующих и эстетических элементов. Ценность моей внешней личности в ее целом (и прежде всего, моего внешнего тела — что нас здесь только интересует) носит заемный характер, конструируется мною, но не переживается непосредственно» [12].

¹³«Западная любовь — замещение космических реалий. Это защитный механизм, рационализирующий неуправляемые и не поддающиеся управлению силы. Подобно первобытной религии, этот механизм позволяет нам обуздать свой первичный страх» [13].

Библиографический список

1. Нехаев А. В. Патанатомия любви, или Чем может быть полезно знание о том, что «знаешь, что влюблен»? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 90–104. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-90-104.
2. Badiou A. La Philosophie et l'Événement, entretiens avec Fabien Tarby. Paris: Germina, 2010. P. 54.
3. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 461.
4. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 175–222.
5. Irvin D. Yalom. Existential Psychotherapy. NY: Basic Books, 1980. P. 14.
6. Штирнер М. Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2017. ISBN 978-5-386-10364-4. С. 219.
7. Mounier E. Personalism. Publisher: University of Notre Dame Press, 1989. P. 4–5. ISBN-13: 978-0268004347.
8. Kolodny N. Love as Valuing a Relationship // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112. P. 135–189.
9. Сартр Ж. П., С. де Бовуар. Аллюзия любви. М.: Алгоритм, 2007. С. 31. ISBN 978-5-9265-0527-3.
10. Кочнев Р. А., Цветухина Е. А. Цена анонимности: бытие денег или Бытие без денег? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 55–58.
11. Luther A. R. Persons in love. Study of Max Scheler's Wesen und Formen der Sympathie. Dordrecht: Springer Netherlands, 1972. P. 100. DOI: 10.1007/978-94-010-2796-0.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 45.
13. Paglia C. Sexual personae. London: Yale University Press, 2001. P. 5.

КОЧНЕВ Роман Леонидович, учебный мастер кафедры «Философия и социальные коммуникации».

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

Адрес для переписки: r-kochnev@mail.ru

Для цитирования

Кочнев Р. А. Любить людей, даже если они не любят твой комфорт взамен // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 61–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-61-64.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018 г.

© Р. А. Кочнев

LOVING PEOPLE EVEN IF THEY DO NOT LOVE YOUR COMFORT BACK

This article is a commentary and an additional study to translate into Russian the article of the American philosopher Sara Profasi published in this journal. In the article specific version of property view of love considered and compared with the existentialist view of this phenomenon.

Keywords: love, property, comfort, value.

References

1. Nekhaev A. V. Patanatomya lyubvi, ili Chem mozhet byt' polezno znaniye o tom, chto «znayesh', chto vlyublen»? [The pathanatomy of love. Or what can be useful in knowledge that «you know that you love»?] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 2. P. 90–104. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-90-104. (In Russ.).
2. Badiou A. La Philosophie et l'Événement, entretiens avec Fabien Tarby. Paris: Germina, 2010. P. 54. (In French).
3. Eko U. Zametki na polyakh «Imeni rozy» [Notebooks on «Name of Rose»] // Imya rozy. Moscow: Knizhnaya palata Publ., 1989. P. 461. (In Russ.).
4. Platon. Dialogi [Dialogues]. Moscow: Mysl' Publ., 1986. P. 175–222. (In Russ.).
5. Irvin D. Yalom. Existential Psychotherapy. NY: Basic Books, 1980. P. 14. (In Engl.).
6. Shtirner M. Edinstvennyy i ego sobstvennost [The Ego and Its Own]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2017. P. 219. ISBN 978-5-386-10364-4. (In Russ.).
7. Mounier E. Personalism. Publisher: University of Notre Dame Press, 1989. P. 4–5. ISBN 978-0268004347. (In Engl.).
8. Kolodny N. Love as Valuing a Relationship // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112. P. 135–189. (In Engl.).
9. Sartre Z. P., S. de Bovuar. Allyuziya lyubvi [Allusion of love]. Moscow: Algoritm Publ., 2007. P. 31. ISBN 978-5-9265-0527-3. (In Russ.).
10. Kochnev R. L., Tsvetukhina E. A. Tsena anonimnosti: bytiye deneg ili Bytiye bez deneg? [Cost of anonymity: being of money or Being without money] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2017. No. 3. P. 55–58. (In Russ.).
11. Luther A. R. Persons in love. Study of Max Scheler's Wesen und Formen der Sympathie. Dordrecht: Springer Netherlands, 1972. P. 100. DOI: 10.1007/978-94-010-2796-0. (In Engl.).
12. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetic of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 45. (In Russ.).
13. Paglia C. Sexual personae. London: Yale University Press, 2001. P. 5. (In Engl.).

KOCHNEV Roman Leonidovich, Educational Master of Philosophy and Social Communication Department.
SPIN-code: 7887-8053
AuthorID (RSCI): 961891
Address for correspondence: r-kochnev@mail.ru

For citation

Kochnev R. L. Loving people even if they do not love your comfort back // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2018. No. 3. P. 61–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-61-64.

Received 03 August 2018.

© R. L. Kochnev